

Прошло всего два дня, как Иккинг предал свой клан. Подружился с драконом, солгал деревне, солгал друзьям... своему отцу. Его имя больше не произносилось вслух, а если и упоминалось, то с презрением, отвращением, стыдом. Иккинг Бесполезный стал Иккингом Предателем. Ни один викинг не хотел иметь ничего общего с его прошлым. Стоик носил этот позор, и все его жалели. Жаль, что у него родился такой сын, а не настоящий викинг. В тот день настроение вождя было мрачным: он злился, стыдился и... грустил одновременно, что позволил своему сыну отвернуться от него и от их общего прошлого, связанного с убийством драконов. Но сегодня жителей деревни Берк ожидало развлечение... сегодня должна была состояться казнь викинга, совершившего предательство. Риппер мог слышать все приготовления к казни снаружи, а также все сплетни о том, что его обезглавят, разорвут на части, заколотят и так далее. Обычно от этого у любого человека по коже бежали мурашки... но Рипперу было все равно. Он просто сидел, прислонившись спиной к стене камеры, и смотрел на противоположную стену. Он знал, что Иккинг сбежал и собирается начать новую жизнь где-нибудь в другом месте. Он думал о том, что и вправду жил неплохо, хотя был всего на год старше Иккинга, пятнадцать лет, но с ним обращались лучше, чем с Иккингом... намного лучше. И от этого ему становилось тошно. Сын вождя был известен только своими промахами, ошибками, бесполезностью и неприятностями... ничего хорошего... и люди желали, чтобы его не было. Что ж, они получили свое желание, и он был уверен, что все они этому рады. — Ну, если это не другой глупый предлог для тролля, — услышал он слова Сморкала. Он посмотрел налево: по другую сторону решетки камеры стояли Астрид, Сморкала, Близнецы и Рыбьенг. Риппер только рассмеялся. — Сколько времени тебе понадобилось, чтобы прийти с этим Смorchком? Наверное, всю ночь об этом думал, да? — насмеялся он. Подростки увидели, как это задело самолюбие Смorchка. — Ты не должен так разговаривать с будущим наследником этого племени, — сказал он, выпячивая грудь. — О, пожалуйста... Я даю этой деревне два дня, прежде чем она сгорит, когда ты станешь вождем, — сказал Риппер, снова обращая свое внимание на стену, что еще больше уязвило самолюбие Смorchка. — Снот, просто перестань, — сказала Астрид, видя, что Риппер может продолжать в том же духе весь день. — О, он говорит, — сказал Риппер, высмеивая Астрид... и ей это ни капли не понравилось. — Ты умрешь меньше чем через час... и ты смеешься над нами? — набросилась она на него. — Я умру... да... и к чему ты клонишь? — прямо спросил Риппер. Остальные просто уставились на него в недоумении. — И кстати... я смеялся над вами всего десять минут... по сравнению с тем, что вы все делали с Иккингом десять лет, — сказал он, в его голосе слышался гнев. — Что, этот парень — ходячая рыбья кость... он жалок, — сказал Смorchок. — Не говоря уже о том, что он бесполезный и тощий, — добавил Тафнут. — Даже слабый, тупой и вообще неудачник, — добавил Руффнут. — Вы с Рыбьенгом хотите что-нибудь добавить к этому Астрид? — спросил Риппер, уже желая оказаться по другую сторону решетки, чтобы задушить их. Она не ответила. — Я не могу поверить вам, ребята, — сказал Риппер, в его голосе звучала чистая ненависть. — Ты не можешь поверить нам?! А как же вы?! Вы вместе с ним предали нас... предали наш клан! — кричала Астрид. Она устала от того, что Риппер злился на них без причины. Если он мог злиться... то и она могла. — Разве я каждый день засовывал лицо Иккинга в бочку... разве я смеялся над его матерью, когда она умерла... разве я всегда обвинял его, просто ради забавы... разве я не прикрывал его спину в таких ситуациях... разве ты когда-нибудь слышал, как он плачет по ночам. ...видел ли ты, как он убегает в лес и плачет от души... дразнил ли я его каждый раз, когда видел его... никогда не слушал его... слышал ли ты, как он желал смерти!..заставлял ли я его чувствовать себя бесполезным! — кричал он. Теперь он держался за прутья своей камеры, и все сделали шаг назад, когда он набросился на них. — Рыбьенг был, наверное, единственным, кто пытался быть ему другом! Но вы, ребята, стали смеяться над ним, когда он пытался! — сказал он, указывая на Смorchка и Близнецов. Подростки не могли поверить в то, что сказал Потрошитель. — Неужели... неужели мы... — начала Астрид, но была прервана. — Да, действительно! — Риппер выстрелил в ответ. Он снова посмотрел на Смorchка. — Ты был его кузенom, его кровью, и ты был тем, кто мучил его больше всех...

издевался над ним... причинял ему боль... и ты всегда смеялся над ним только потому, что в твоём понимании он был глупым оправданием викинга... и большинство из вас присоединились к тому, чтобы смеяться над ним, — сказал он. К этому времени он уже успокоился и отпустил прутья. Он вернулся к тому месту, где сидел, и опустился на пол.— С меня хватит разговоров, — заявил он и отвернулся к стене. Он услышал, как звук шагов четырех пар ног рассеялся, когда они уходили, но их было пять.— Что вы все еще здесь делаете? — спросил он, не поворачиваясь. Астрид все еще была там.— Ты — человек, с которым я меньше всего хочу говорить... после того, как ты предал его, — сказал он. — Как это я его предала... Я сделала то, что сделал бы любой другой викинг! — отмахнулась она. Сейчас она не злилась... она не знала, какую эмоцию выбрать. — Он любил тебя, Астрид, — заявил он. Это застало Астрид врасплох, ее глаза стали мягче, а в сердце зародилось чувство, которого она никогда не испытывала раньше. — Он говорил мне, что каждый раз, когда ты улыбалась ему... это скрашивало его день. Он говорил, что благодарен тебе за то, что ты не издеваешься над ним, не дразнишь его, и поэтому он может доверять тебе, и он действительно доверял тебе. Он думал, что ты отличаешься от других. Он хотел показать тебе Беззубика, — сказал Риппер. Если он собирался умереть, то мог бы рассказать ей все, ведь она может больше никогда не увидеть Иккинга. — Посмотри на лезвие своего топора, — сказал он. Астрид посмотрела на свой топор, который она носила на поясе, взяла его и перевернула. Она задохнулась, увидев выгравированное на металле слово "Клинок Валькирии".— Посмотри внимательно на это оружие, — сказал он, но она уже начала это делать. Топор был легким, но лезвие было идеальным, крепким, прочным, не поддающимся износу. Рукоятка была феноменальной и идеально подходила ей. — Иккинг сделал его для тебя, — сказал он. — Но мой... отец подарил мне его на 15-летие, — сказала она. — Он никогда не говорил тебе, откуда он его взял, не так ли? — спросил он, голос его был тих и наполнен печалью. И тут, словно молния, озарило ее сознание. Иккинг был очень занят в тот раз, вспомнила она. Он говорил, что работает над чем-то важным, но она не знала над чем.— Он заботился о тебе... но он знал, что никогда не сможет получить тебя, потому что... есть так много других викингов, которые достойны тебя, что он просто... ничто, — произнес он, слова его были словно ледяной водой, пронзившие ее сердце. Астрид услышала достаточно. Она оставила его там, в тишине, где он стоял, словно окаменевший, и бросилась бежать. Бежала, не разбирая дороги, не думая о цели, лишь бы уйти от этой горькой правды, от этой пустоты, что внезапно заполнила ее душу. Она бежала в лес, в его глухие дебри, в его тайные объятия, где ее слезы не могли быть услышаны, где ее боль могла найти утешение в шепоте ветра и шорохе листвы. И вот, сама того не замечая, она оказалась в Бухте... в том самом месте, где впервые встретила Иккинга и Беззубика... Небо было затянуто свинцовыми тучами, гроза надвигалась, но эта была совсем другая. Это была гроза в ее душе, гроза, которая разрывала ее на части. Она уронила топор на землю, он упал с глухим стуком, и Астрид опустилась на колени, уткнувшись лицом в сырую землю. Несколько капель воды упали на лезвие топора, с гравировкой, которую Иккинг сделал сам. Но это был не дождь. Это были ее слезы.